

ДЕЛО О МОДЕРНИЗАЦИИ, ПОСТ-, ПОСТ-ПОСТ- МОДЕРНИЗАЦИИ И НОВОМ МОДЕРНИЗМЕ

В течение последних трех лет Лихаческие чтения стали для меня местом размышлений и сравнений запада, России и Турции. Это сравнение я обычно провожу с исторической точки зрения, уделяя особое внимание XIX веку. Я прежде всего хотел бы подчеркнуть, что проекты модернизации России и Турции отлично подходят для сравнения их между собой. Находясь на самой границе западной цивилизации, наши две страны вошли в эру модернизации три века назад. Модернизация оказала влияние на наше самосознание, а ее ход во многом определялся геостратегиями, которые мы применяли с оглядкой на запад. История модернизации России и Турции очень схожи, но все-таки значительно отличаются, чтобы мы могли провести глубинное сравнительное исследование. Сама идея модернизации, ее реализация и реальная политика, основанная на геостратегии, нацеленной прежде всего на запад, заставляют нас при этом сравнении держать в поле зрения этот регион. Вышеупомянутые уровни представляют собой отличную почву для анализа и создания определенных парадигм социальных наук в этом регионе мира. И, разумеется, особенное внимание следует уделить XIX веку, не только потому, что мы постоянно сравниваем XIX век и наше время, а еще и потому, что уроки XIX века до сих пор являются для нас наглядной иллюстрацией того, что мы можем делать сегодня.

В прошлом году на пленарном заседании именно по этой причине я предложил переосмыслить восприятие XIX века и с внимательным интересом изучить то время. Именно поэтому в своем докладе я остановился на «текущей современности», термине, который придумали Бауман и Бордони для описания текущего кризиса. Этот термин адекватно описывает статус-кво всего XIX века и XXI века, в котором

мы снова ищем новый баланс, находясь, по словам Умберто Эко, «на переходе к новому, пока еще неурегулированному порядку». В своей книге «Кризисное состояние», Бауман и Бордони утверждают, что в настоящее время в мире наблюдается двусторонний кризис - с одной стороны мы видим *бессилие государств*, а с другой - наблюдаем *радикальные изменения в общественных структурах*. В результате текущий кризис может быть назван политическим и общественным. Самым важным политическим результатом, который я хочу подчеркнуть, является потеря идентичности или коллективное сознательное, которое было создано национальными государствами с целью обеспечения постоянного развития. От этого зависит вся международная система. Идентичность или коллективное сознательное имеют две стороны: Первая сторона описывает частные стороны определенной нации - язык, религию, историю и служит связующим звеном внутри границ государства, а вторая - универсальные ценности - безопасность, справедливость, демократию, права человека, и т.д., и обеспечивает постоянность системы ценностей, в том числе и на международном уровне. За исключением проводившихся здесь дебатов об универсализме и партикуляризме, думаю стоит признать, что национальные государства зависят от универсальности ценностей, которые создает международная система, для которой важным фактом является значительная эрозия универсальных ценностей. С другой стороны, политические результаты можно суммировать как слабость государства перед лицом политических требований масс, в тех странах, где все еще продолжается поиск легитимной и эффективной системы управления. В этом контексте, по требованию масс, социальные результаты оказываются связанными с политическими. Можно утверждать, что требования масс также изменились. Сейчас часто можно слышать, что массы не знают чего хотят, зато очень хорошо знают, чего не хотят. Поэтому управлять этими социальными

потребностями через народное представительство, парламент или политические партии, даже гражданское общество, становится все сложнее. С другой стороны, социальные результаты показывают, что массы жаждут потребления. По мнению авторов, *потребительское общество* стало новым фактом всех социальных и политических сфер, заменив собой граждан, в связи с чем потребление стало текущей *целью*. Кризис современности и наблюдающаяся в настоящее время флюидность, о которых говорится выше, указывают на кризис *суверенитета* и кризис *демократии* в современном мире.

Пост-модернизм и основан на прогнозе, что наднациональные организации и микро-национализм заменят национальные государства и даже нации, что новая демократия будет совершенствоваться через социальные медиа, гражданское общество, и т.д., и количество синих воротничков уменьшится, за счет чего вырастет количество белых воротничков, и зависимость экономики от технологий и инноваций также увеличится. Взглянув на программу Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2016 года можно понять, какое будущее вызывает опасения. В программу включены, среди прочих, следующие темы: общая позиция по отношению к экстремизму, новая платформа цифровой экономики, социальный контракт на трансформацию мира, мир без работы, путешествия по всему миру без топлива и страха, культура и четвертая промышленная революция, от миграции к интеграции, этика и корпоративное управление, обучение искусственного интеллекта эмоциональному интеллекту, фрагментация интернета, человечество и машины, обучение мастеров четвертой промышленной революции, образование для миллиона детей беженцев.

Развитие мировой политической системы, особенно на местном уровне в странах запада, показывает, что постмодернистское завтра относительно тревожно. Все началось с «брексита», затем последовало

избрание Трампа президентом США, а следом - подъем крайне правого популизма в Нидерландах, Франции и Италии. Все эти события шокировали тех, кто совсем не так представлял себе постмодернизм. Практически во всех странах запада наблюдается подъем левого популизма, направленного против тех, кто ослабил позиции политического центра. Первое выступление Шона Спайсера, пресс-секретаря Белого дома, стало важной вехой в американской политике. В ней прозвучали классические, конвенциональные и современные фигуры речи. Автомобильный сектор, продвижение карьеры, промышленная занятость, вопросы налогов, американские ценности, американский образ жизни - вот старые темы, которые снова возникли в современной Америке. Их озвучили в рамках своих сегодняшних требований избиратели Трампа. Брексит стал выражением приблизительно таких же настроений и требований британцев. На этот же путь модернизма, как ожидается, встанут в этом году Франция, Нидерланды и Италия. Что мы видим сегодня в возрождении модернизма? Следует ли называть его пост-постмодернизмом, или началась эра нео-модернизма? Или мы наблюдаем тактический отход от постмодернистских идеалов Гринвич-вилледж в Манхэттене, Блумсбери в Лондоне, всей территории Берлина, Болотной площади в Москве или площади Таксим в Стамбуле?

Я считаю, что ответ на этот вопрос очень важен, и меня удовлетворит только тот факт, что интеллектуалы, как правило, более дальновидны, чем сам прогресс человечества. При этом, тем не менее, следует помнить, что нельзя верить ни утопичным ожиданиям, ни точности их опасений. Ход истории иногда разочаровывает интеллигенцию, но тем не менее, нельзя сказать, что они всегда полностью неправы. Очень важно понимать, что интеллектуалы могут и ошибаться, и что мир вошел в краткий период модернизма, который

можно назвать пост-постмодернизмом или нео-модернизмом. Этот временный период будет характеризоваться последующим возвратом к традиционному укладу. Синим воротничкам, социальной политике, промышленному обществу, национализму, национальным государствам, национальным интересам на основе международной системы и т.д. Сейчас стоит задаться вопросом: имеют ли Турция и Россия преимущества в данной ситуации в связи с тем, что за последние 15 лет их не коснулись эти постмодернистские ветра?

Надо отметить, что этот модернистский вызов XXI века пришел из России вместе с концепцией «суверенной демократии», сигнализировавшей о наступлении пост-постмодернизма или неомодернизма. Любой историк, который пишет или говорит о России XXI века, обращает внимание на непрерывность процесса модернизации страны на протяжении трех столетий. За это время выдвигались разные аргументы в пользу непрерывной модернизации, и в их число входили суверенитет, демократия, инфраструктурные инвестиции, попытки централизации и т.д. В этом веке Россия ориентируется на лозунг «хорошо классическое». Этот лозунг стал для постоянного процесса модернизации России основой ее движения к современности. Турция встала на эту дорогу позже, и ее путь был не таким гладким, как у России, но общее направление у нас одно. За последние пять лет основными интересами Турции стали идея национального государства, внешняя политика на основ национальных интересов и инвестиции в инфраструктуру. Поставленный выше вопрос является чрезвычайно своевременным, и на этот вопрос должны ответить обе страны, так как это необходимо для новой складывающейся конъюнктуры. Некоторую надежду на будущее дает изучение исторического опыта общения России и Турции с западом.

Отношения Турции и России с западом складывались противоположным образом, за исключением двух исторических периодов: последней четверти XIX века и первого десятилетия XXI века. Противоположные позиции двух стран были вызваны геостратегическим выбором обеих держав, определившим отношение к западному влиянию. Схожие позиции были обусловлены консервативной идеологией и вопросами обороны. В XIX веке Османская империя стремилась догнать запад, несмотря на то, что националистические настроения угрожали уничтожить государство. В это же время Россия стремилась остановить рост влияния Запада на историю страны. Крымская война стала отражением этих противоречий: ориентированная на запад верхушка Османской империи против скептически настроенной по отношению к западу России. Весь XIX век Россия защищала свой древний жизненный уклад, а Османская империя находилась в процессе интенсивной модернизации, несмотря на то, что этот процесс мог стоить империи ее целостности. В то время, как Турция стала частью западной системы, Россия продолжила искать альтернативную модель существования, заплатив за эти поиски отставанием в развитии. Абдулхамид II и Александр III установили в конце XIX века совсем другие отношения. Этот период сейчас очень популярен в Турции и его постоянно сравнивают с современным политическим моментом.

В качестве заключения хочу перечислить некоторые вопросы и дать ссылки на литературу. Умерли ли уже идеалы и политика постмодернизма?

Читайте «Европа мертва» Александра Герцена. Пост-постмодернизм или нео-модернизм - одно ли это и то же в модернизированных России и Турции? Читайте конституцию Османской империи 1876 года, и конституцию 1905 года в России. - Может ли геостратегия разогнать

внутреннюю политику? По поводу двух случаев структурной модернизации. В нео-постмодернистском мире смогут ли обе страны снова занять выгодное положение? По поводу того, что идеалы французской революции выжили после 1815, 1830, 1848 и 1871 года, иначе, но в основном.